

TERRY FROST

TERIJS FROSTS

ТЕРРИ ФРОСТ

Krāsu jauda: Terija Frosta māksla

Matthew Flowers. Photo by Antonio Parente, 2019

Mani vecāki iepazinās ar Teriju Frostu un viņa ģimeni divdesmitā gadsimta piecdesmito gadu vidū ģimenes brīvdienu laikā Kornvolā. Vecvecāki no mātes puses bija ieteikuši Sentaivsu kā lielisku vietu, kur apciemot un satikt māksliniekus, un viņi pat bija nopirkuši atsevišķus darbus, ko bija darinājuši daži no māksliniekiem, kas tur būvēja savu radošo reputāciju. Mans tēvs Adrians Flauerss, panākumiem bagāts reklāmas fotogrāfs no Londonas, fotogrāfēja Bena Nikolsona, Patrika Herona, Terija Frosta, Braiena Vola, Denisa Mičela un Vilhelmīnas Bārnsas-Greimas darbus un apmaiņā bieži saņēma kādu mākslas darbu. Starp aizvien plašāko Frostu un Flaueru ģimeni uzplauka draudzība, kas ir saglabājusies līdz pat šai dienai.

My parents met and got to know Terry Frost and his family in the mid-1950s during family holidays to Cornwall. My grandparents on my mother's side had recommended St Ives as a great place to visit and meet artists and had indeed bought work by some of the artists building reputations there. My father, Adrian Flowers, an established London advertising photographer, took photographs of works by the likes of Ben Nicholson, Patrick Heron, Terry Frost, Brian Wall, Denis Mitchell & Wilhelmina Barns-Graham and would often receive a work of art in return. Friendships grew between the ever expanding Frost & Flowers family that has remained to the present day.

Мои родители встретились и познакомились с Терри Фростом и его семьей в середине 1950-х годов во время семейного отдыха в Корнуолле. Мои бабушка и дедушка по материнской линии рекомендовали Сент-Айвс как прекрасное место для посещения и встречи с художниками и даже приобрели работы некоторых художников, создавших там свою репутацию. Мой отец, Адриан Флауэрс, известный лондонский рекламный фотограф, фотографировал работы таких авторов, как Бен Николсон, Патрик Херон, Терри Фрост, Брайан Уолл, Денис Митчелл и Вильгельмина Барнс-Грэм, и часто получал взамен произведения искусства. Так выросла дружба между постоянно расширяющейся семьей Фрост и Флауэрс, которая сохранилась и по сей день.

Terijs Frosts (1915–2003) ir atzīts par vienu no nozīmīgākajiem britu abstrakcionistiem, kura ietekme izplatījās visā Eiropā un arī pasaulē. Esam ārkārtīgi lepnī, ka Marka Rotko mākslas centra augstu novērtētajā vidē tiek prezentēta Frosta ievērojamāko darbu izlase, pirmo reizi iepazīstinot Latvijas skatītāju ar viņa daiļradi.

„Krāsu jauda: Terija Frosta māksla” ir izstāde, kas izceļ viņa mākslinieka karjeras veidošanās periodus, tostarp galvenos gleznieciskos un grafikas darbus, pateicoties kuriem viņš kļuva par vienu no vadošajiem britu abstrakcionistiem, Britu impērijas ordeņa virsnieku, Džona Mūra balvas laureātu, Karaliskās akadēmijas locekli un pasaules līmeņa krāsu meistaru. Vairāk nekā sešdesmit radošās darbības gados Frosta darbi ir tikuši eksponēti iespaidīgi daudzās izstādēs gan Lielbritānijā, gan ārvalstīs un iekļauti vairākās nozīmīgās kolekcijās. Frosta mākslinieka karjeras pirmsākumi bija visnotaļ netradicionāli; Otrā pasaules kara laikā, atrodoties ieslodzījumā karagūstekņu nometnē, gleznotājs Adrians Hīts iedrošināja viņu gleznot citu gūstekņu portretus. Abstrakcijai Frosts pievērsās tikai pēc trīsdesmit piecu gadu vecuma sasniegšanas divdesmitā gadsimta četrdesmito gadu nogalē līdz ar iestāšanos Kembervelas mākslas un daiļamatniecības skolā, kur viņš mācījās pie Viktora Pasmora, kā arī iepazīšanos ar tādiem Sentaivsas māksliniekiem kā Bens Nikolsons, Pīters Lanjons un citi. Visā savas radošās karjeras laikā Frosts turpināja attīstīt abstrakciju, virzoties daudz tālāk par kustības formālajiem apsvērumiem un veidojot pats savu ārkārtīgi izteiksmīgu vizuālo valodu, kurā dominēja pusemēneši, spirāles, trijstūri un apli, parasti novietoti uz audekla it kā suspendētā vai līdzsvarotā stāvoklī. Frosts dzīli mīlēja britu ainavu un daudzās tās apvidos atrada bagātīgus iedvesmas avotus – viņa radītās formas nāca no Jorkšīras tīreļu izliekumiem, Sentaivsas ostas raksturīgajiem apveidiem vai mēness lēkta virs Nūlinas (abās šajās Kornvolas piekrastes pilsētās Frosts aizvadīja ievērojamu mūža daļu). Šīs dinamiskās kompozīcijas apvieno kustības un telpas daudzveidīgumu divdimensiju darbos un sniedz skatītājam ieskatu autora pašpārliecinātajā un līksmajā dialogā ar mākslu un dabu.

Katrs no Frosta darbiem ir personisku pārdzīvojumu un sajūtu vizuāls atveidojums. Māksliniekam sev atklājot simbolisma dzejnieka Federiko Garsijas Lorkas darbus un spāņu jēdzienu “Duende”, ar ko apzīmē “kāpinātu emocionālu stāvokli”, minēto sakāpināto stāvokļu meklēšana un attēlošana kļuva par viņa daiļrades noteicošo iezīmi. Šīs garīgās transcendences pirmsākumus viņš saista ar kara laikā pārciesto badu – pieredzi, kas citu būtu sakāvusi, Frosts pieņēma kā dzīvības apliecinājumu.

Frosta izteiktā atteikšanās teoretizēt savu mākslinieka praksi ir devusi būtisku ieguldījumu britu mākslā un mākslas izglītībā, mudinot viņa skatītājus un audzēkņus reaģēt uz viņa darbiem emocionāli un novērtēt krāsas dāvātās mākslinieciskās izteiksmes iespējas. Izaicinādams viņus saskatīt ko vairāk par parasto ‘melno’, Frosts mācīja saviem studentiem pētīt tā dēvētās “nedzīvās krāsas” toņu spektru, sākot ar aukstām, zilganām nokrāsām un beidzot ar siltākiem, iesarkaniem ogles toņiem. Frosta plašā un ietekmīgā krāsu palete ir saskatāma visos šīs izstādes darbos.

Mana pirmā lielā sastapšanās ar Frosta darbiem notika Serpentinā mākslas galerijā 1977. gadā. Mani nekavējoties pārņēma gleznu monumentālā klātbūtne un spilgti izteiksmīgā krāsa. 1984. gadā man bija iespēja publicēt divas Frosta grafikas, savukārt 1977. gadā man izdevās sarīkot viņa personālizstādi mūsu galerijā, eksponējot uz papīra tapušos darbus. Vēlāk mēs sarīkojām divas nozīmīgas izstādes, lai nosvinētu viņa septiņdesmit piekto dzimšanas dienu un pēc pieciem gadiem arī astoņdesmit gadu jubileju. Abas svinības bija leģendāras, pulcējot visu mākslinieka ģimeni. Arī šodien Frosta darbi nav zaudējuši svaigumu un intensitāti, kas nodrošina viņa mantojuma ilgmūžību.

Metjū Flauerss, 2019.g.

Expanding Colour: The Art of Terry Frost

Terry Frost (1915-2003) is respected as one of the most important British artists of the abstract movement, whose influence extended throughout Europe and across the world. We are extremely proud to see a selection of major works presented within the esteemed setting of the Mark Rothko Centre, introducing his work in Latvia for the very first time.

Expanding Colour: The Art of Terry Frost is an exhibition highlighting the formative periods of his career, including key paintings and prints that established him as an leading Abstract British artist, OBE, John Moore Prize winner, Royal Academician and a world class colourist. With a career spanning over six decades, Frost had an impressive roster of British and international exhibitions and is included in a large number of significant collections. Frost had an unconventional beginning to his artistic career; whilst interned as a Prisoner of War during the Second World War, he was encouraged by painter Adrian Heath to paint portraits of their fellow prisoners. It wasn't until his mid-thirties when, in the late 1940s, he studied at Camberwell School of Arts and Crafts and under the guidance of Victor Pasmore and influence of St Ives artists such as Ben Nicholson and Peter Lanyon, amongst others, that Frost began his relationship with abstraction.

Throughout his career, Frost developed abstraction far beyond the formal sense of the movement, constructing his own emphatic visual language of crescents, spirals, triangles and circles, typically suspended or balanced on the canvas. Frost was profoundly fond of the British landscape and found rich sources of inspiration in many of its regions, his shapes originating from the curvature of the Yorkshire moors, the distinctive forms of St. Ives harbour or the moon rising over Newlyn, both Cornish seaside towns that Frost lived for much of his life. These dynamic compositions synthesise a multiplicity of movement and space into two-dimensional works and give the viewer an insight into his confident and joyful dialogue with both art and nature.

Each of Frost's works acts as a visual representation of personal experiences and sensations. After discovering the writings of Symbolist poet Federico Garcia Lorca and the Spanish notion of 'Duende', a "heightened state of emotion", the pursuit and conveyance of heightened states became a defining attribute of his work. He traces this spiritual

transcendence back to periods of starvation during the war, an experience that might have been defeating was embraced as life affirming by Frost.

Frost's particularly untheoretical attitude towards his practice has resulted in an extraordinary contribution towards both British art and art education, encouraging his viewers and students alike to engage an emotional response and celebrate the possibilities of colour. Challenging them to see beyond 'black', Frost taught his students to explore the tonal range of the so called "dead colour", from cold, bluish hues to warmer red charcoals. Frost's expansive and influential colour palette can be seen throughout the works in the present exhibition.

My first large exposure to Frost's work was at the Serpentine Art Gallery in 1977. I was immediately bowled over by the paintings' monumental presence and vibrantly expressive colour. I had an opportunity to publish two prints by Frost in 1984 and then secured a solo works on paper exhibition at our Gallery in 1977. Later on we staged two major exhibitions, one to celebrate his 75th birthday and five years later to celebrate his 80th birthday. The parties were legendary, bringing all his family together. To this day, Frost's work retains its freshness and intensity, qualities that guarantee his enduring legacy.

Matthew Flowers 2019

Сила цвета: Искусство Терри Фроста

Терри Фрост (1915-2003) признан одним из важнейших британских художников абстрактного движения, чье влияние распространилось по всей Европе и всему миру. Мы очень гордимся тем, что в таком почетном месте, как Арт-центр им. Марка Ротко выставлена подборка его основных работ, впервые представивших его творчество латвийскому зрителю.

Выставка «Сила цвета: Искусство Терри Фроста» раскрывает периоды становления его карьеры, в том числе и ключевые картины и гравюры, благодаря которым он стал ведущим британским художником-абстракционистом, офицером Ордена Британской империи, обладателем премий Джона Мура, королевским академиком и колористом мирового класса. За более чем шесть десятилетий творческой деятельности Фрост собрал внушительный список участия в британских и международных выставках, его работы содержатся во многих знаковых художественных коллекциях. Начало художественной карьеры Фроста было весьма нетрадиционным. Во время Второй мировой войны он был интернированным военнопленным вместе с художником Адрианом Хитом, который вдохновил его на написание портретов их собратьев-заключенных. Лишь по достижению тридцатипятилетия, в конце 1940-х годов, во время учебы в школе декоративно-прикладного искусства Камберуэлл у Виктора Пасмора и под влиянием таких художников Сент-Айвса, как Бен Николсон, Питер Лэньон и других, Фрост обратился к абстракции.

На протяжении всей своей карьеры Фрост развивал абстракцию, выходя далеко за рамки формального смысла движения и создавая свой собственный выразительный визуальный язык полумесяцев, спиралей, треугольников и кругов, обычно расположенных на холсте в как-бы подвешенном или сбалансированном состоянии. Фрост глубоко любил британский пейзаж и находил богатые источники вдохновения во многих уголках страны; его формы происходят из изгибов вересковых пустошей Йоркшира, характерных очертаний гавани Сент-Айвз или восхода луны над Ньюлином (в обоих приморских городах Фрост провел большую часть жизни). Эти динамические композиции объединяют множество

импульсов и пространств в двумерные произведения и дают зрителю возможность заглянуть в уверенный и радостный диалог художника с искусством и с природой.

Каждое из произведений Фроста служит визуальным представлением личного опыта и ощущений. После открытия произведений поэта-символиста Федерико Гарсии Лорки и испанского понятия «Дуэнде», т.е. «усиленного состояния эмоций», стремление и передача подобных возвышенных состояний стали определяющим атрибутом его работы. Сам художник проследивает в себе эту духовную трансцендентность со времен голодания во время войны; опыт, который мог оказаться губительным, был воспринят Фростом как жизнеутверждающий.

Отсутствие всякого теоретизирования в отношении Фроста к своей практике позволило ему сделать выдающийся вклад как в британское искусство, так и в художественное образование, поощряя зрителей и учеников реагировать эмоционально и радоваться возможностям цвета. Предлагая посмотреть сквозь «черный», Фрост побуждал своих учеников к исследованию тонального диапазона так-называемого «мертвого цвета», от холодных голубоватых оттенков до более теплых красноватых оттенков угля. Расширяющаяся и властная цветовая палитра Фроста наблюдается и в работах этой выставки.

Мое первое значимое знакомство с творчеством Фроста произошло в художественной галерее «Сerpантин» в 1977 году. Меня сразу поразила монументальность его картин и их яркий выразительный цвет. В 1984 году у меня была возможность напечатать две графические работы Фроста, а в 1977 году в нашей галерее была организована персональная выставка его работ на бумаге. Позднее мы организовали две крупные выставки: одну, чтобы отпраздновать семидесятилетие его рождения, и пять лет спустя, чтобы отметить восьмидесятилетний юбилей. На этих легендарных вечеринках собралась вся его семья. Работы Фроста сохраняют свою свежесть и интенсивность и по сей день; именно эти качества являются гарантией прочности его художественного наследия.

Мэтью Флауэрс 2019

TERIJS FROSTS

Terijs Frosts savā studijā Nulinā, Kornvola
Terry Frost in his studio in Newlyn, Cornwall
Терри Фрост в своей студии в Ньюлине, Корнуолл

Gandrīz pirms pusgadsimta, dzīvodams un gleznodams Romā, es pirmo reizi satiku cilvēku, kuram bija visdziļākā ietekme uz manu mākslinieka dzīvi.

Pie manas darbnīcas durvīm atskanēja klauvējiens, un, atverot durvis, es ieraudzīju vīrieti sarkanā cepurē, zaļās brillēs un zilā žaketē un, jā, arī kovboju kaklasaitē. Pati svarīgākā bija sejas izteiksme, kas liecināja – lūk, te ir cilvēks, kas prot svinēt dzīvi. Šis novērojums atkal un atkal apstiprinājās mūsu draudzības laikā. Tā bija draudzība, kas saistīja ne tikai mūs ar Teriju, bet arī mūsu abu sievas, Ketu un Roziju, un drīz pēc tam visu Terija un Ketas ģimeni, it īpaši Entoniju un Lindu. Tā bija arī draudzība, kas ilga līdz pat Terija un Ketas mūža galam kādus divdesmit piecus gadus vēlāk.

Lai gan šī bija mana pirmā tikšanās ar Teriju, es, protams, biju pazīstams ar viņa gleznām, jo biju apmeklējis dažādas viņa darbu izstādes. Bet Terija studijas daudzo apmeklējumu laikā Kornvolā man bija iespēja ne tikai padziļināti aplūkot viņa darbus, bet arī vērot viņu strādājam pie vairākiem mākslas darbiem, kas bija ārkārtīgi liksma un izzinoša pieredze.

Kā jau labi pazīstams mākslinieks Terijs varēja būt egocentrisks, bet patiesībā viss bija gluži pretēji, viņš nekad neskopojās ar palīdzību un padomu citiem māksliniekiem. Man viņš palīdzēja sarīkot pirmās divas izstādes Londonā, kā arī ieteica mani pasniedzēja amatam Kenterberijas Mākslas koledžā.

Terijs bija lielisks stāstnieks, viņam bija brīnišķīgi nostāsti un pieredze, ko viņš atstāstīja ar aizrautību un humoru. Tomēr tajā pašā laikā viņš bija augsta intelekta cilvēks un ar labi attīstītu vizuālo izjūtu.

Reiz vēlu naktī manā Londonas dzīvoklī viņš sāka man aprakstīt Francijas Šartras katedrāles vitrāžas logu ģeometrisko struktūru un krāsu attiecības. Šie logi man bija pazīstami, biju tos vairākkārt redzējis agrāk, kad neilgu laiku dzīvoju Parīzē. Bet tas, kā Terijs par tiem runāja, atvēra man acis uz daudz dziļāku izpratni.

Kādā citā reizē manā studijā mēs pavadījām vairākas stundas, apspriežot metaforu izmantošanu Federiko Garsijas Lorkas dzejoļos. Es daudz lasīju dzeju un, protams, biju pazīstams ar poētisku metaforu izmantošanu, bet Terijs norādīja, ka Lorkas metaforām raksturīga absolūta līdzsvarotība starp rakstīto frāzi un vizuālo tēlu. Tas man ļoti palīdzēja pēc vairākiem gadiem, kad strādāju pie Pablo Nerudas dzejoļiem. Taču, Terijam gleznojot, intelekts, lai gan neapšaubāmi klātesošs, spēlēja otro vijoli, priekšplānā izvirzoties instinktam. Lai gan viņa darbi būtībā ir abstrakti, tie ir atvasināti no dziļiem realitātes vērojumiem. Katra darba sākumpunkts ir balstīts realitātē, taču gleznojot tas tiek pārvērsts par ko dziļāku. Lai kāds būtu šis sākumpunkts – sniegota Jorkšīras ainava, pastaiga pa Nūlinas piestātni vai atmiņas par novakari Kiprā – viņa darbi neapstājās pie priekšmetiskās realitātes. Tajos palika vietas izjūta, gadījums, pārdomas. Izbrīns par izraudzīto tēmu. Citiem vārdiem sakot, mākslinieka dziļākās jūtas pret savu tematu.

Terija pirmie reālie mēģinājumi glezniecībā sākās apstākļos, kas nekādi nav dēvējami par veselīgiem, prot, karagūstekņu nometnē Otrā pasaules kara laikā Vācijā. Starp nometnē ieslodzītajiem bija arī mākslinieks Adrians Hīts, kurš palīdzēja Terijam izprast glezniecības pamatprincipus. Lai gan viņš strādāja ar ļoti ierobežotiem materiāliem, kas bieži vien bija improvizēti, šajos apstākļos Terijam tomēr izdevās radīt diezgan ievērojamu darbu korpusu, galvenokārt kolēģu portretus. Bieži esmu prātojis, vai liksmā noskaņa, kas raksturīga tik daudzām viņa gleznām, nav neapzināta reakcija uz viņa agrīno gleznošanas mēģinājumu askētiskajiem apstākļiem.

Pa labi: Terijs Frosts un Pīters Grifins
At right: Terry Frost and Peter Griffin
Справа: Терри Фрост и Питер Гриффин
1999

Frosts lieliski strādāja ar krāsām, un tas atkal izrietēja no intensīviem apkārtējās pasaules vērojumiem, reizēm no visnegaidītākajām vietām. Kā piemēru var minēt prieku, ko viņš juta, vērojot automašīnu un citu transportlīdzekļu krāsaino dizainu, ko viņš aprakstīja, dzīvodams Banberijā sešdesmito gadu vidū.

Citos gadījumos viņš ir runājis par to, kā Jorkšīras sniegotie tīreļi liek viņam skaudri apzināties telpas līdzenumu un plašumu, kā arī to, ka sniega pārpilnā ainava dzēs jebkādas perspektīvas apjausmu.

Vai atkal, skatīdamies, kā pār Ņūlīnas ostu nolaižas nakts, viņš ievēroja, cik zils bija pēdējais krāsu spektra tonis, iestājoties tumsai.

Terijs daudz runāja par saviem krāsu vērojumiem, bet manas visspilgtākās atmiņas par Terija attiecībām ar krāsu droši vien saistās ar laiku, ko pavadīju viņa studijā starp simtiem ar roku krāsotu papīra lapu, kuras viņš izgriezta dažādās formās, pirms uzlikt uz audekla. Tad viņš tās grozīja, virzot pāri audeklam, līdz sajuta, ka tās ir nonākušas īstajā vietā, sākušas paspilgtināties un mijiedarboties ar gleznu, uz kuras bija uzklātas. Kolāžas krāsas un formas dejoja pa audeklu un to uzlādēja.

Terijs Frosts bija drosmīgs mākslinieks, jo, lai gan viņu, tāpat kā mūs visus, ietekmēja ārējie spēki, viņam bija arī sava vizuālā leksika. Taču iemesls, kādēļ saku, ka viņš bija drosmīgs, ir tas, ka viņš nekad nepaļāvās ne uz ārējām ietekmēm, ne uz savu leksiku. Tā vietā viņš nepārtraukti pētīja veidus, kā tās pārveidot, pavēršot jaunus virzienos. Viņa gleznu galvenā iezīme ir to priekpilnā noskaņa, taču tā nebija frivolitāte, bet gan prieks, kas liek sajusties dzīvam. Ar Terija gleznu cilvēks iegūst ne tikai mākslas darbu, bet arī tā radītāju.

Astoņdesmitajos gados Terijs radīja grafikas darbu sēriju ar nosaukumu „Duende”. Tas ir spāņu vārds, ar ko apzīmē spēcīgu esības apjausmu, kaisli, kas ceļas no zemes dziļēm pa kājām un augšup pa ķermeni. Tā, manuprāt, Terijs izjuta savu daiļradi un pasaules novērojumus.

Lai to paskaidrotu sīkāk, vēlos citēt daļu no runas, kuru teica dzejnieks Pablo Neruda, saņemot Nobela prēmiju. Manuprāt, tā patiešām atspoguļo Terija attieksmi pret dzīvi. “Dzeja nozīmē panākt pienācīgu līdzsvaru starp vientulību un solidaritāti, starp izjūtu un rīcību, starp cilvēka tuvību ar sevi pašu, cilvēces savstarpējo tuvību un dabas dotajām atklāsmēm”. Frostam bija pašam sava īsa frāze, kurā viņš bija koncentrējis savas pārdomas par dzīvi un kuru bieži atkārtoja: “Dzīve nav nekas vairāk kā ķiršu bļoda.”

Terijam Frostam bija daudz draugu, un starp tiem bija arī Marks Rotko, kurš brauca no pašas Ņujorkas, lai tiktos ar Teriju un citiem Kornvolas māksliniekiem.

Tāpēc man bija liels prieks piedalīties šīs izstādes tapšanā, jo draudzība vienoja ne tikai Frostu un Rotko, nesen esmu nodibinājis draudzību ar Keitu Rotko un viņas vīru Ilju, kas ir brīnišķīgs veids, kā noslēgt šo loku.

Pīters Grifins, Londona, 2019. gads

TERRY FROST

Almost half a century ago while living and painting in Rome I first met a man who had a profound influence on my life as an artist.

A knock came on my studio door and on opening the door I was confronted by a man wearing a red cap, green spectacles and a blue jacket, oh and a cowboy tie. Most important of all was the expression on his face that told me here was a man who embraced life. An observation which was confirmed over and over again throughout our friendship. This was a friendship that included not just Terry and I but also that of our two wives Kath and Rosie and fairly soon afterwards all of Terry and Kath's family, notably Anthony and Linda. It was also a friendship that lasted for the rest of Terry and Kath's lives some twenty-five years later.

Although this was the first time of meeting Terry, I was of course familiar with Terry's paintings through the various exhibitions of his work, which I had seen. But on the many visits to Terry's studio in Cornwall I had not only the opportunity to see his work in depth but also to watch him working on several pieces, which was a joyful and informative experience.

As a well-known artist, Terry could have been self-obsessed, but, in fact, he was quite the opposite, always very generous in the help and advice he gave to other artists. In my case, he was instrumental in getting me my first two exhibitions in London as well as recommending me for a teaching post at Canterbury College of Art.

Terry was a great raconteur and had some wonderful stories and experiences to relate, both intriguing and humorous. Yet at the same time, he was a man of intellect and with a highly developed sense of the visual.

On one occasion, late at night in my apartment in London, he started describing to me the geometric structure and colour relationships of the stained glass windows of Chartres Cathedral in France. I was familiar with these stained glass windows, which I had seen several times during a short residency in Paris. But the way that Terry spoke about them completely opened my eyes to a far deeper understanding.

On another occasion one afternoon in my studio, we spent hours discussing the use of metaphor in the poems of Federico Garcia Lorca. I read a great deal of poetry and, of course, was familiar with a poetic use of metaphor, but Terry went on to point out how Lorca's use of metaphor was so finally balanced between the written statement and the visual image. It was something that came to help me several years later when I was working with the poems of Pablo Neruda.

When painting, however, the intellect, whilst obviously there, played a secondary role to the instinctive in Terry's work. Although his paintings are essentially abstract, they are derived from a deeply observed reality. The starting point of his work is based in reality, but this is transformed through the act of painting into something deeper. Whatever the starting point, be it a snow filled Yorkshire landscape, a walk along the quay in Newlyn or a memory of an evening in Cyprus, they went beyond the reality of the subject. Instead, what was left was a feeling of place, of occasion, of reflection. Of wonderment of the artist in front of the subject. In other words, the very essence of the artist's feelings towards his subject.

Terry's first real attempts at paintings started in less than salubrious conditions of a German prisoner of war camp during the Second World War. A fellow prisoner in the camp was an already established painter Adrian Heath who helped Terry in understanding the basic principles of painting. Even so, he was working with very restricted materials, often improvised, yet Terry managed to make quite a body of paintings in these conditions, mainly portraits of colleagues. I have often wondered

Pastaiga gar krastmalu
audekls, ejja

Walk Along the Quay
oil on canvas

Прогулка по набережной
масло, холст
152.5 × 56 cm, 1950

if the joyful nature of so many of his paintings is a subconscious recognition of the austere conditions of his early attempts at painting.

Frost was a great colourist, and again this derived from an intense observation of the world around him, sometimes from the most unexpected of places. One example is the delight he took in observing the coloured designs of trucks and other vehicles, which he described whilst living in Banbury in the mid-sixties.

On other occasions, he has talked of how the snow covered moors of Yorkshire made him intensely aware of the flatness and vastness of space and the recognising how the snow-filled landscape had wiped out any sense of perspective.

Or again, while watching the night fall over the harbour in Newlyn, he noticed how blue was the last colour to fall from the spectrum as darkness descended.

There were so many observations of colour that Terry would talk about, but perhaps my most vivid memory of Terry's association with colour came from the times I spent in his studio, surrounded by hundreds of hand-coloured sheets of paper, which he would cut into shapes before placing them on the canvas, twisting and turning them, moving them across the canvas until he felt they were right, until they started enhancing and activating with the picture plain on which they were applied. The colours and shapes of the collage danced across and energised the total canvas.

Terry Frost was a brave artist in that although he had, as we all do, his influences, he also had his own visual vocabulary. But the reason I say he was brave is because he never rested on either the influences or the vocabulary. Instead, he was constantly looking at ways of transforming them, pushing them in new directions. Above all, his paintings were full of joy, but not in a frivolous way; rather, in a way that made one feel alive. What one gets with a painting of Terry's is not just the painting, but also the man who made it.

In the eighties Terry made a series of prints titled "Duende". This is a Spanish word, which means to feel a powerful sense of being, a passion rising from out of the earth through the feet and up through the body. This is how I believe Terry felt about his work and his observations of the world.

To further explain this, I would like to quote a section of a speech the poet Pablo Neruda made on accepting his Nobel Prize. Which I believe really reflects Terry's own attitude to life.

"Poetry involves achieving a proper balance between solitude and solidarity, between feeling and action, between the intimacy of one's self, the intimacy of mankind and the revelation of nature". Frost himself had an abbreviated version on life's reflection in his often repeated phrase "Life is just a bowl of cherries".

Terry Frost had many artist friends and amongst them was Mark Rothko, who would travel from New York to see Terry and other artists in Cornwall.

So it has been a great pleasure for me to have some part in helping with this exhibition, because not only did Frost and Rothko have a friendship but more recently I have become friends with Kate Rothko and her husband Ilya, which is a wonderful way to complete the circle.

Peter Griffin, London, 2019

ТЕРРИ ФРОСТ

Почти полвека назад, когда я жил и работал в Риме, я впервые встретил человека, оказавшего глубочайшее влияние на мою жизнь в качестве художника.

В дверь моей студии постучали, и, открыв ее, я столкнулся с мужчиной в красной кепке, зеленых очках и синем пиджаке, ах, да, и в ковбойском галстуке. Но главным было выражение его лица, которое говорило мне, что этот человек умеет наслаждаться жизнью. Это наблюдение подтверждалось снова и снова на протяжении всей нашей дружбы. Это была дружба, объединяющая не только меня с Терри, но и наших жен, Кэт и Розы, а вскоре в нее влилась и вся семья Терри, особенно Энтони и Линда Фрост. Эта дружба длилась до самого конца жизни Терри и Кэт еще долгие двадцать пять лет.

Хотя это была моя первая встреча с Терри, я, конечно, был знаком с его картинами по различным выставкам его работ, которые я видел. Но во время многочисленных посещений студии Терри в Корнуолле у меня была возможность не только подробно ознакомиться с его творчеством, но и увидеть, как он работает над несколькими картинами, что стало радостным и познавательным опытом.

Будучи известным художником, Терри мог быть одержимым собою, но на самом деле все было совершенно наоборот, он всегда был очень щедр в помощи и советах другим художникам. В моем случае он сыграл важнейшую роль в организации моих первых двух выставок в Лондоне, а также рекомендовал меня на должность преподавателя в Кентерберийском колледже искусств.

Терри был великим рассказчиком, имел несколько замечательных историй и большой опыт, которым делился в интригующей и искрящейся юмором манере. Тем не менее, в то же время он был человеком большого интеллекта, с очень развитым чувством визуального восприятия.

Однажды поздно вечером в моей квартире в Лондоне он начал описывать мне геометрическую структуру и цветовые отношения витражей Шартрского собора во Франции. Я был знаком с этими витражами, которые я видел несколько раз во время короткого проживания в Париже. Но то, как Терри говорил о них, полностью открыло мне глаза на гораздо более глубокое понимание.

Однажды днем в моей студии мы несколько часов обсуждали использование метафор в стихах Федерико Гарсии Лорки. Я был большим любителем поэзии и, конечно, был знаком с поэтическим использованием метафоры, но Терри указал мне на абсолютную сбалансированность между письменным утверждением и визуальным образом в метафорах Лорки. Это мне очень помогло несколько лет спустя, когда я работал со стихами Пабло Неруды.

Однако, при занятии живописью, интеллект, хоть и явно присутствовал в работе Терри, играл второстепенную роль по отношению к инстинктам. Хотя его работы по сути абстрактны, они происходят из глубинного наблюдения за реальностью. Отправная точка его работ основана на реальности, но через акт живописи она превращается во что-то более обобщенное. Какой бы ни была отправная точка, будь то заснеженный пейзаж Йоркшира, прогулка по набережной в Ньюлине или воспоминание о вечере на Кипре, она выходит за пределы предметной реальности. Остается чувство места, случая, размышления. Удивление художника перед предметом. Иными словами, сама суть глубочайших чувств художника по отношению к предмету.

Первые реальные попытки Терри в живописи начались в менее чем здоровых условиях немецкого лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны. Одним из лагерных заключенных был известный художник Адриан Хит,

который помог Терри понять основные принципы живописи. При том, что он работал с очень ограниченными материалами, часто импровизированными, в этих условиях Терри все же сумел создать довольно много картин, в основном портреты коллег. Я часто задавался вопросом, является ли радостный характер многих его картин подсознательным признанием суровых условий его ранних попыток в живописи.

Фрост был великим колористом, и опять-таки это происходило от интенсивных наблюдений за окружающим миром, иногда из самых неожиданных точек. Один из примеров – это удовольствие, которое он испытывал, наблюдая за цветовой окраской грузовиков и других транспортных средств, которые он описывал, живя в Банбери в середине шестидесятых.

В других случаях он говорил о том, как покрытая снегом вересковая пустошь Йоркшира заставляли его остро осознать плоскостность и необъятность пространства, а также о том, как заснеженный пейзаж уничтожал любое чувство перспективы.

Или, наблюдая за тем, как ночь покрывает гавань в Ньюлине, он заметил, насколько синим был последний оттенок цветового спектра при наступлении темноты.

Было так много наблюдений за цветом, о которых говорил Терри, но, возможно, мое самое яркое воспоминание об отношениях Терри с цветом связано со временем, которое я провел в его студии в окружении сотен раскрашенных вручную листов бумаги, которые он разрезал в разные формы, прежде чем положить их на холст, вертя ими и поворачивая, перемещая их по холсту, пока не почувствовал, что нашел самое подходящее место, пока они не начали усиливаться и взаимодействовать с картиной, на которую были наложены. Цвета и формы коллажа танцевали по холсту и заряжали его.

Терри Фрост был смелым художником потому, что, хотя он, как и все мы, был подвержен некому влиянию со стороны, он также имел свой собственный визуальный лексикон. Но я говорю, что он был смелым, и потому, что он никогда не опирался ни исключительно на внешнее влияние, ни на свой лексикон. Вместо этого он постоянно искал способы их преобразования, подталкивая их в новые направления. Прежде всего его картины были полны радости, но это было не легкомыслие, а радость, которая заставляла чувствовать себя живым. С картиной Терри человек приобретает не только картину, но и ее создателя.

В восьмидесятые годы Терри создал серию гравюр под названием «Дуэнде». Это испанское слово, которое означает острое чувство бытия, страсть, поднимающуюся из недр земли сквозь ноги и вверх по телу. Именно так Терри ощущал свое творчество и свои наблюдения за миром.

Для пояснения, я хотел бы процитировать часть речи, которую произнес поэт Пабло Неруда, принимая Нобелевскую премию. На мой взгляд, она действительно отражает отношение Терри к жизни.

«Поэзия предполагает достижение надлежащего баланса между одиночеством и солидарностью, между чувством и действием, между близостью с самим собой, с человечеством и откровениями, дарованными природой». У Фроста была своя сокращенная версия размышлений о жизни, которую он часто повторял: «Жизнь – это просто ваза с вишней».

У Терри Фроста было много друзей художников, среди них был и Марк Ротко, который приезжал из Нью-Йорка, чтобы повидаться с Терри и другими художниками Корнуолла.

Я очень рад, что могу внести свой вклад в эту выставку, потому что дружба объединяла не только Фроста и Ротко, недавно судьба подарила мне дружбу с Кейт Ротко и ее мужем Ильей, что можно считать прекрасным завершением круга.

Питер Гриффин, Лондон, 2019 г

Pa labi: Terijs Frosts, Marks Rotko un Mela Pitera Lanjona Kornvolas mājā
At right: Terry Frost, Mark Rothko and Mell at Peter Lanyon's Cornwall home
Справа: Терри Фрост, Марк Ротко и Мэлл в гостях у Питера Ланьона в его Корнуэльском доме
1959

ZILAIS MĒNESS / BLUE MOON / ГОЛУБАЯ ЛУНА
audeklis, akrils, kolāža / acrylic and collage on canvas / акрил, холст, масло
209 × 132 cm, 1998

SARKANAIS, MELNAIS UN BALTAIS / RED, BLACK AND WHITE / КРАСНЫЙ, ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ
audekls, eļļa / oil on canvas / масло, холст
231 × 88 cm, 1963

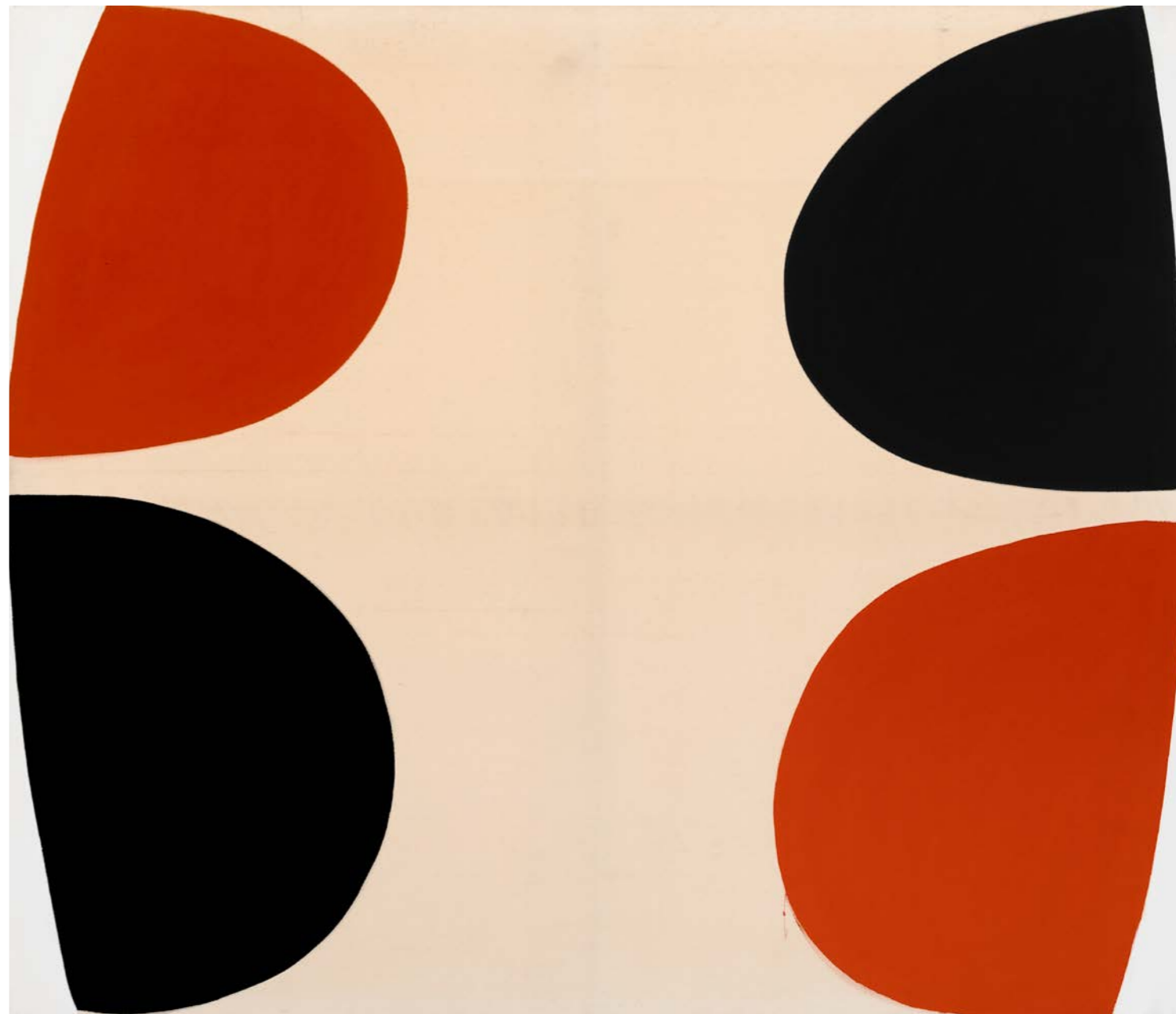

BEZ NOSAUKUMA / UNTITLED / БЕЗ НАЗВАНИЯ
audekls, akrils / acrylic on canvas / акрил, холст
138 × 189 cm, 1966

KIRZAKAS GAISMA / LIZARD LIGHT / РАДУЖНЫЙ СВЕТ
audeklis, akrils / acrylic on canvas / акрил, холст
188 × 127 cm, 1996-98

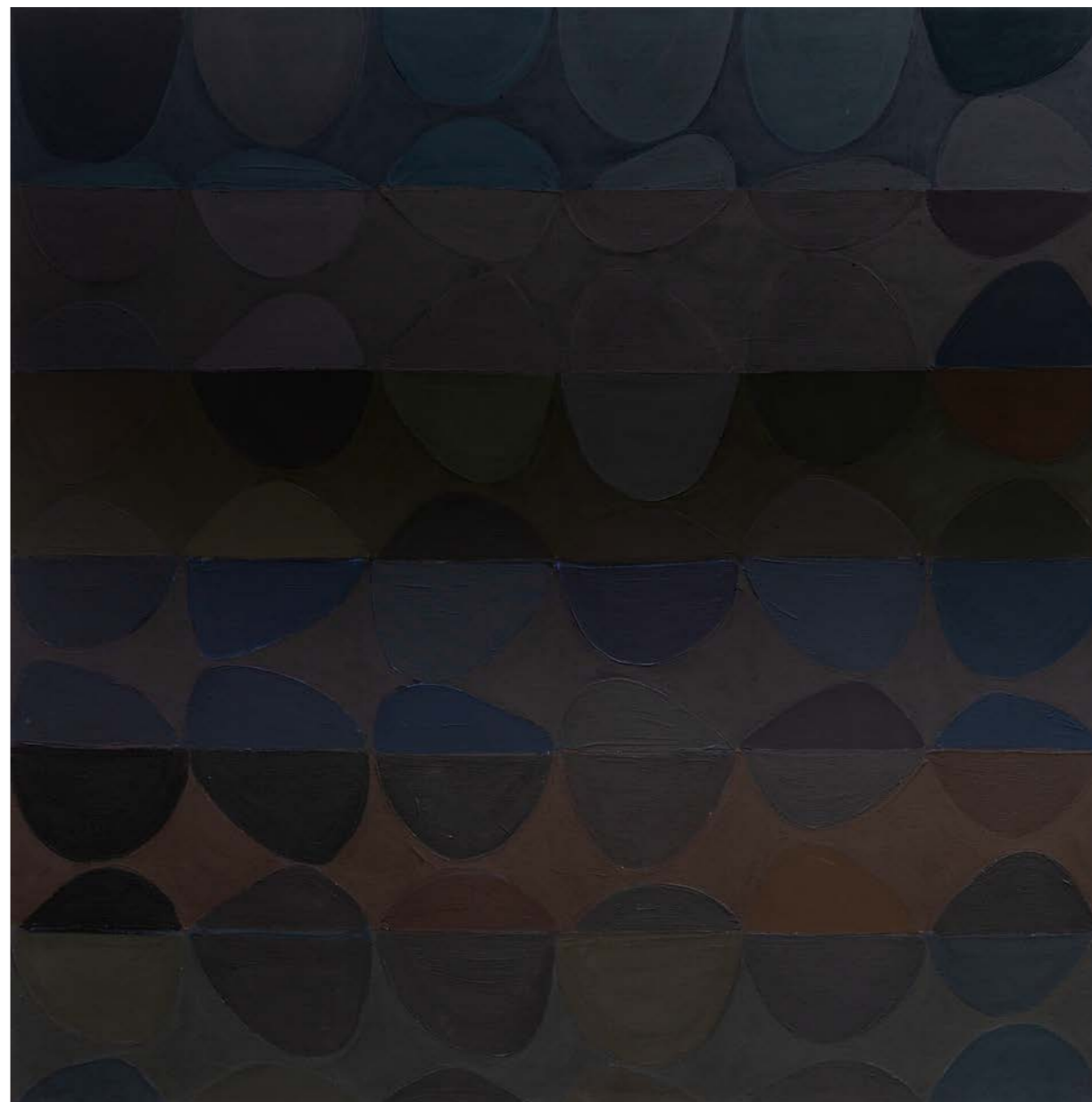

◀ **PAVASARA SAPŅU TRIPTIHS / SPRING DREAM TRIPTYCH / ВЕСЕННИЕ МЕЧТЫ. ТРИПТИХ**
audekls, akrils, kolāža / acrylic and collage on canvas / акрил, холст, коллаж
212 × 124 cm, 2002

BEZ NOSAUKUMA / UNTITLED / БЕЗ НАЗВАНИЯ
audekls, akrils / acrylic on canvas / акрил, холст
183 × 213 cm, 1968

INGVERA ZĀLAIS / GINGER GREEN / ИМБИРНО-ЗЕЛЕНЬ
audekls, akrils / acrylic on canvas / акрил, холст
158 × 82 cm, 1970

CAURI MELNAJIEM / THROUGH BLACKS / СКВОЗЬ ЧЕРНЫЙ
audekls, akrils / acrylic on canvas / акрил, холст
152 × 152 cm, 1981

MELNIE / BLACKS / ЧЕРНЫЕ
audekls, eļļa / oil on canvas / масло, холст
198 × 244 cm, 1966

ZALĀ DZELME / GREEN BELOW / ЗЕЛЕНАЯ ПУЧИНА
audeklis, akrils, kolāža / acrylic and collage on canvas / акрил, холст, коллаж
163 × 228.5 cm, 1966

GRAFIKA / PRINTS / ΓΡΑΦΙΚΑ

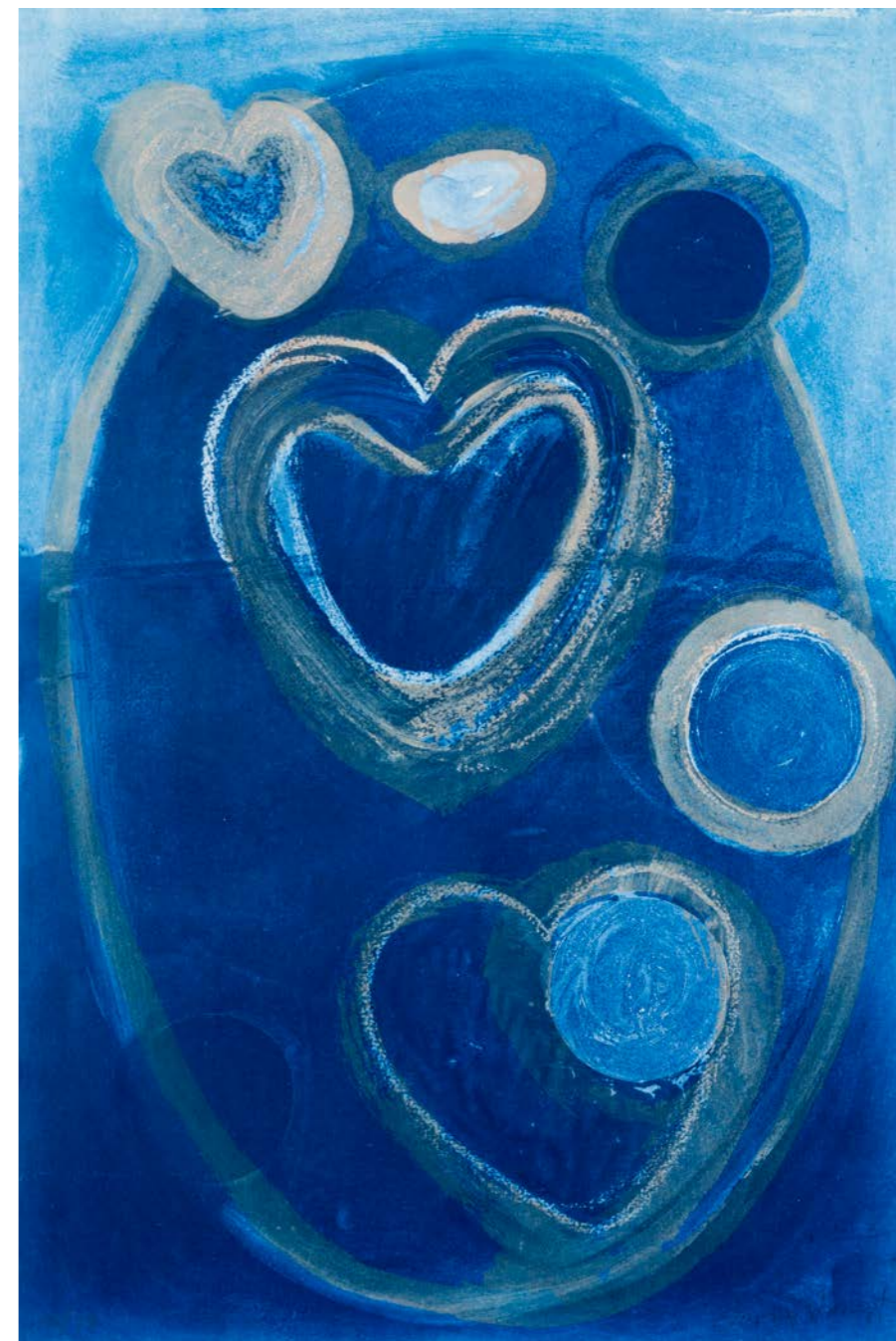
AFD LAIMĪGĀS DIENAS / HAPPY DAYS FOR AFD / СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ AFD
monodruka / monoprint / монопечатъ
128 x 104.65 cm, 1999

AUSTRUMU MĒNESS / EASTERN MOON / ВОСТОЧНАЯ ЛУНА
monodruka / monoprint / монопечатъ
83 × 89 cm, 1999

LORCA II. JĀTNIĒKA DZIESMA / LORCA II. RIDER'S SONG / ЛОРКА II. ПЕСНЯ ВСАДНИКА
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

LORCA III. TĀ IR TIESA / LORCA III. IT IS TRUE / ЛОРКА III. ЭТО ПРАВДА
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

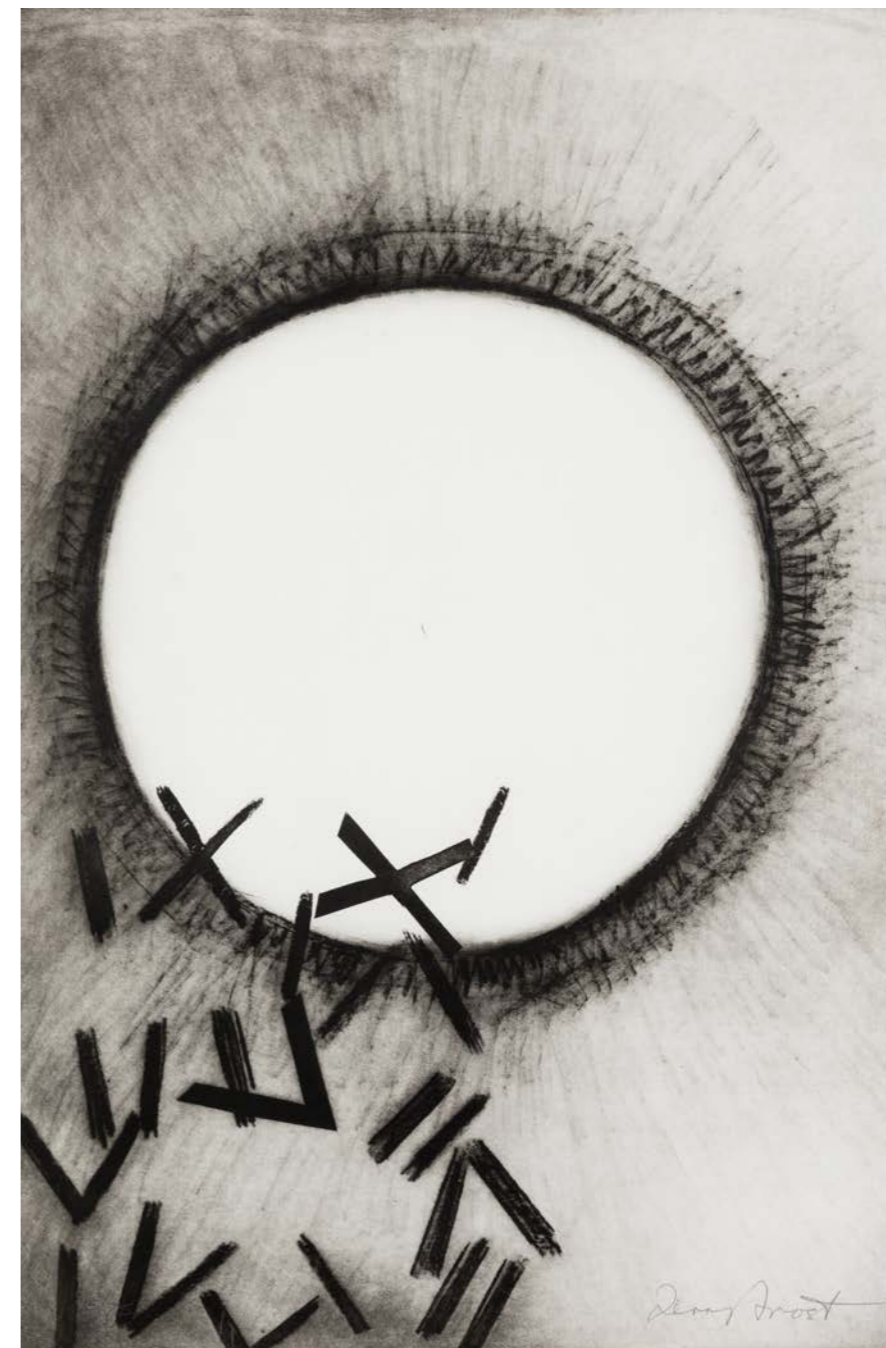
LORCA IV. VECMEITA MISĒ / LORCA IV. THE SPINSTER AT MASS / ЛОРКА IV. СТАРАЯ ДЕВА НА МЕССЕ
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

LORCA V. MĒNESS LĒKTS / LORCA V. THE MOON RISING / ЛОРКА V. ВОСХОД ЛУНЫ
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

LORCA VII. PULKSTĒŅA APSTĀŠANĀS / LORCA VII. PAUSE OF THE CLOCK / ЛОРКА VII. ЧАСЫ ОСТАНОВИЛИСЬ
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

LORCA VIII. TAMĀRA UN AMNONS / LORCA VIII. THAMAR AND AMNON / ЛОРКА VIII. ТАМАРА И АМНОН
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

LORCA X. KOKS, KOKS / LORCA X. TREE, TREE / ЛОРКА X. ДЕРЕВО, ДЕРЕВО
oforts, manuāls tonējums / etching with hand colouring / офорт ручной раскраски
57.5 × 38.5 cm, 1989

MONOSPIRĀLES UZ DZELTENA FONĀ / MONO SPIRALS FOR YELLOW / МОНО СПИРАЛИ НА ЖЕЛТОМ ФОНЕ
monodruka / monoprint / монопечатъ
117.5 x 119 cm, 1996

Krāsu jauda: Terija Frosta māksla

Izstādes katalogs. Daugavpils Marka Rotko mākslas centrs, Daugavpils, 2019, 48 lpp.

Expanding Colour: The Art of Terry Frost

Exhibition catalogue. Daugavpils Mark Rothko Art Centre, Daugavpils, 2019, 48 pp.

Сила цвета: Искусство Терри Фроста

Каталог выставки. Арт-центр им. Марка Ротко в Даугавпилсе, 2019, 48 стр.

Izstāde Daugavpils Marka Rotko mākslas centrā no 2019. gada 15. novembra līdz 2020. gada 15. maijam

Exhibition in Daugavpils Mark Rothko Art Centre from November 15, 2019 till May 15, 2020

Выставка в Арт-центре им. Марка Ротко в Даугавпилсе с 15 ноября 2019 года по 15 мая 2020 года

Izstādes kurators / Curator of exhibition / Куратор выставки: Farida Zaletilo

Redaktors / Editor / Редактор: Farida Zaletilo

Teksti / Texts / Тексты: Matthew Flowers, Peter Griffin

Tulkojums latviešu valodā / Translation to Latvian / Перевод на латышский язык: Inga Gedžūne

Tulkojums krievu valodā / Translation to Russian / Перевод на русский язык: Inga Gedžūne, Farida Zaletilo

Dizains / Design / Дизайн: Pāvels Terentjevs

Izdevējs / Publisher / Издатель: Daugavpils Marka Rotko mākslas centrs / Daugavpils Mark Rothko Art Centre

Iespiests / Printed by / Печать: *Dardedze Hologrāfija*

Paldies / Thanks to / Спасибо: Matthew Flowers, Anthony Frost, Philip Dodd, Vita Liberte

© The Estate of Sir Terry Frost, Courtesy of Flowers Gallery

© 1998 Kate Rothko Prizel and Christopher Rothko

www.vvfoundation.org
www.flowersgallery.com
www.rothkocenter.com

FLOWERS

ISBN 978-9934-594-01-4

